

ФИЛОЛОГИЯ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РАННЕГО НАБОКОВА

© 2004 Н.Н. Афанасьева

Воронежский государственный университет

Обращение художника к фольклорным традициям обусловлено исторически. *“Некоторые традиционные устнопоэтические символы, — пишет В. К. Соколова, — генетически связаны с обычаями, обрядами, первобытными социальными институтами. Основой их как обрядов и мифов служили ассоциации между отдельными явлениями, порожденные древними воззрениями. В дальнейшем первоначальный смысл этих сопоставлений и возникших на их основе образов-символов забывался, но, закрепленные в словесных формулах, они приобретали устойчивость”* [8, 188]. Литература, как явление более позднего периода, опирается на фольклорную систему, использует жанры народно-поэтического творчества.

Встречающиеся в ранних произведениях Набокова образы народной поэзии — береза, русалка, кликуша, леший — свидетельствуют о духовной связи писателя с традициями страны, в которой он родился, но с которой был разлучен.

Не моря шум — в тиши ночной
иное слышно мне гуденье:
шум тихий родины моей,
ее дыхание и биенье.
В нем все оттенки голосов
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и ропот памятного бора [4, 215].

Набоков, не терпящий никакого насилия над личностью, не смог принять тот режим, который “покушался” на внутреннюю свободу человека. Эмигрировав в юном возрасте вместе с семьей, он сделал и собственный выбор. В отличие от других эмигрантов, Набоков, к сожалению, не увез на Запад ту Россию, которую успел “узнать и осознать”, которая “одарила не только березками, но темами, конфликтами, человеческими характеристиками — всем строем литературы”, так как покинул ее в возрасте “почти юношеском” [1, 75-76]. Об этом он и сам напишет в 1920 году: “... и в

дальних городах мы, странники, учились отчизну чистую любить и понимать” [4, 135]. Но чувство верности России, “создававшейся медленно и мерно и бывшей огромной державой среди других держав” [5, 548], Набоков пронес через всю жизнь. Однако отношения к революционной России не изменил: “... мне невыносим тот приторный вкус мещанства, который я чувствую во всем большевицком. Мещанской скукой веет от серых страниц “Правды”, мещанской злобой звучит политический выкрик большевика, мещанской дурью набухла бедная его головушка. Говорят, поглупела Россия; да и немудрено... Я презираю коммунистическую веру как идею низкого равенства, как скучную страницу в праздничной истории человечества, как отрицание земных и неземных красот, как нечто, глупо посягающее на мое свободное “я”...” [5, 547]

Каким бы полотном батальным ни являлась советская сусальнейшая Русь, какой бы жалостью душа ни наполнялась, не поклонюсь, не примирюсь со всею мерзостью, жестокостью и скукой немого рабства — нет, о, нет, еще я духом жив, еще не сыт разлукой, увольте, я еще поэт. [4, 279]

Несмотря на то, что “роковые для мира события”, на которые “наложилась личная биография” писателя, “мелькают на страницах необязательным упоминанием, будто не было ни войн, ни революций, ни экономических кризисов” [1, 7], в произведениях Набокова просматриваются две стороны медали. С одной стороны — это горечь тоски от разлуки с родиной:

Кто меня повезет
по ухабам домой,
мимо сизых болот
и струящихся нив?
Кто укажет кнутом,

обернувшись ко мне,
меж берез и рябин
зеленеющий дом?.. [4, 129]

О Боже! Я готов за вечными стенами
неисчислимые страдания воспринять,
но дай нам, дай нам вновь
под теми деревьями
хоть миг, да постоять [4, 164].

С другой стороны — “злость, даже злобность, с какой Набоков набрасывается на обновленную Россию” [1, 42]. Я бы сказала, что это не злость, а боль за страну, которая “поглупела”. Презрение Набокова направлено не на отдельного человека, а на “уродливую, тупую идейку” “низкого равенства”, являющуюся поощрительницей “невежества, тупости и самодовольства”.

По свидетельству А. В. Леденева, огромную роль в творчестве В. Набокова сыграет “накопленный в детские и юношеские годы запас впечатлений, связанных с петербургским семейным бытом и в особенности — с летними сезонами, которые семья Набоковых проводила в загородных поместьях. Выра, Батово, Рождествено навсегда останутся в цепкой памяти художника земным раем, его Россией” [2, 323]. Вынужденная эмиграция “дает мощный импульс лирическому творчеству Набокова”, — продолжает исследователь. И действительно, никогда Набоков не писал так много стихов, как в первые годы “благополучного изгнания”, которое он с готовностью обменял бы на “ночь расстрела” и “овраг в черемухе”.

Уже в названии одного из первых сборников Набокова-Сирина “Горный путь” (1923) намечены символические для народной поэзии образы: “гора”, “путь”. Горы в славянской мифологии, согласно А. А. Потебне, выступают символом неволи, горя, так как стесняют свободу движения, а образ пути (что характерно для всех славян) сближается со значением смерти. Смерть, как и брак, исходя из славянских представлений, отражает переход в новое жизненное состояние.

“Все глуше под листвою дорога шелестит” — в этой строчке стихотворения “Лес” из указанного сборника можно почувствовать тоску лирического героя от разлуки с “милым” — с родиной, особенно если принять во внимание то, что опавшие листья, согласно символической природе фольклорных образов, сравниваются с разлукой.

В славянской мифологии с темнотою ночи соединена мысль об уединении, об одиночестве. У Набокова одиночество лирического героя нагнетается описанием мрачного леса: “дорога в темноте печалится”, “навстречу ночь медлитель-

но летит”, “лес жаден, ночь слепа”, “в тумане... распушится луна”, “под тучами листвы”, “от вешних сумерек до пасмурной зари”, “свивается луна”, “ночью бредит лес”... “Даль полей” откроется путнику лишь в “просвете”. И неудивительно: “свет” — красота, любовь, “поле” — свобода. Из “ночи”, олицетворяющей одиночество на чужбине, странник должен выйти к “свету”, то есть к свободе, к родине. Как бы ни называли Россию — “рабой ли, наемницей или просто безумной” [4, 64], она — “светит”, и именно к ней ведет путника “вещая” дорога, ее он видит в “нечаянном просвете впереди”.

В сборнике Россия предстает образом недосягаемым, утраченным и невозвратным. Россия Набокова находится за пределами настоящего, и для художника не представляется возможным воссоединение с отчизной, как невозможно возвращение в прошлое. Но родина писателя живет в его сердце, в его памяти.

Ты — в сердце, Россия. Ты — цепь
и подножие,
ты — в ропоте крови, в смятенье мечты.
И мне ли плутать в этот век бездорожья?
Мне светишь по-прежнему ты. [4, 64].

Береза у славян — живое, могущественное существо, предмет почитания [9, 104]. С березой, как с первым распускающимся деревом, связаны майские обряды, сущность которых в желании запастись живительными силами на весь год. Многие поэты-эмигранты связывали с образом березы образ покинутой родины. Набоков не явился исключением. Часто встречающийся в ранних произведениях художника образ березы олицетворяет то светлое, чистое, к чему устремлены все мысли писателя; это символ далекой родины, любовь к которой всегда в сердце:

Садись в тень жидкую,
но продолжай в мечтах
свой путь, и шепотом
невинным и тревожным
расскажет каждый лист
о милом невозможном,
о дальней родине, о ветре, о лесах... [4, 30].

Среди цветущих, огненных дерев
грустит береза на лугу,
как дева пленная в блистательном кругу
иноплеменных дев.
И только я дружу с березкой одинокой,
тоскую с ней весеннюю порой:
она мне кажется сестрой
возлюбленной далекой [4, 29].

... и это жизнь, и это край родной,
родная красота... и льется надо мной
сиянье легкое, зеленое, — березы... [4, 150].

В одном из ранних рассказов Набокова “Нежить” выражена необычайная тоска писателя по тому милому, дорогому, близкому, что осталось на родине. Обращение к сказочному персонажу русского фольклора — Лешему — относит нас к ставшей далекой для автора, но находящейся в его сердце, не покидающей его мысли, России. В “мишисто-сером клоке на виске”, “бруснично-красных губах” он узнает нечто родное, близкое, любимое. Мох, болото, брусника, Леший — то, что ассоциируется в памяти художника с родиной, то, чего ему не хватает на чужбине. После ухода Лешего в комнате остается “чудесно-тонкий запах березы и влажного мха”. Это частичка России, в которой осталось счастье, “гулкое, безмерное” и теперь уже “невозвратное”.

Нежить — это бывший когда-то задорным Леший, некий призрак, которому теперь также нет места в России. Но условно ударение можно поставить и по-другому: “Не жить”. Не жить на родине людям, призракам, являющимся “вдохновеньем” Руси, “непостижимой ее красотой”, “вековым очарованием” — то есть душой России.

Россия лишается своей души, духовности, что трагически осознается писателем. Прежней России нет, и потому бывшее счастье “невозвратно”. Возможно, чувство глубокого страдания, вызванного происходящими в родной стране событиями, и позволило юному автору сравнить Россию с “кликушей”: “*Это корчится черная Русь*” [4, 77].

В одном из высказываний Э. Филда проводится такая мысль: хотя Набоков и “жил подолгу в шести странах — России, Германии, Англии, Франции, Америке и Швейцарии, — именно русская культура была для него, осознанно и инстинктивно, путеводной звездой. Он... всегда оставался

неистово русским человеком и писателем”. [1, 38]. Набоков, используя образы народно-поэтического творчества, пытается осуществить воссоединение с родиной, которое невозможно в реальности (Россия — “милое невозможное”), но претворяется в художественном мире поэта посредством памяти, воображения. Обращение к фольклорным мотивам отражает нерасторжимую духовную связь художника с рано и вынужденно покинутой им родиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастасьев Н. А. Феномен Набокова / Н. А. Анастасьев. — М., 1992.
2. Леденев А. В. “Ничья меж смыслом и смычком...” // Агеносов В. В. Литература русского зарубежья. — М., 1998.
3. Мифологический словарь. — М., 1991.
4. Набоков В. Стихотворения и поэмы / В. Набоков. — М., 1991.
5. Набоков В. Тень русской ветки // В. Набоков. — М., 2000.
6. Новикова А. М. Фольклор и литература (проблемы их исторических взаимоотношений в русской фольклористике) / А. М. Новикова // Фольклор и литература: Проблемы их творческих взаимоотношений. — М., 1982.
7. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. — М., 2000.
8. Соколова В. К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) / В. К. Соколова // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л., 1977.
9. Шаповалова Г. Г. Майский цикл весенних обрядов / Г. Г. Шаповалова // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л., 1977.